

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОТДЕЛ

Н. Никольский

К КАКОЙ ОБЩЕСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ ПРИ- НАДЛЕЖИТ ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕГО Востока

Вопрос о способе производства, существовавшем на Древнем Востоке, а отсюда — вопрос об определении той общественно-экономической формации, к которой принадлежали древневосточные общества, был впервые поставлен марксистской исторической наукой в 1928 г. Тогда т. Мадьяр в своей работе «Экономика сельского хозяйства Китая» выступил с утверждением, что восточное общество представляет из себя особую, специфическую общественно-экономическую формацию, принципиально отличающуюся от докапиталистических формаций европейских — античной и феодальной. Конкретно т. Мадьяр указывал на китайский исторический процесс, который развивался будто бы на основе закономерностей этой особой восточной формации; способ производства, определяющий собой эту формацию, есть «азиатский» способ производства, упоминаемый Марксом в известном

предисловии к работе «К критике политической экономии»¹, и европейский капитал, вторгнувшийся в Китай в XIX в., застал там, по мнению т. Мадьяра, не феодализм, а «азиатский» способ производства. Ту же точку зрения по существу поддерживал тогда и т. Радек, а затем и Мадьяр нашел себе ряд горячих сторонников как в среде молодых марксистских китаеведов (например тт. Кокин, Папаян), так и в среде старых специалистов по истории Древнего мира (например египтолог проф. Струве и «античник» проф. Ковалев). Однако эта точка зрения вызвала целый ряд чрезвычайно серьез-

¹ «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способ производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической формации общества» (стр. 46, 1932 г., Партиздат).

Ленин дает иной перевод этого места: «Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие производственные буржуазные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества» (т. I, стр. 60, изд. 3-е). Этот перевод более точно передает нам оригинал.

Вопрос об общественной формации на Древнем Востоке является неразрешенным. Редакция считает возможным поместить в журнале статьи авторов с различными точками зрения.
Редакция

ных возражений как принципиального, так и фактического характера (т. Волк, Годес, египтолог проф. Лурье, Осипов — Чжоу У-шино китаевед и др.).

В результате трех оживленных дискуссий, происходивших в Москве, Ленинграде и Тифлисе, выяснилось, что концепция особой восточной общественно-экономической формации, основанной на специфическом «азиатском» способе производства, принципиально отличном от других докапиталистических способов производства, не находит себе оснований и подтверждений ни в принципиальных установках классиков марксизма, ни в фактическом материале истории древневосточных обществ. Сторонники «азиатской» общественно-экономической формации один за другим признали ошибочность своей позиции, и, таким образом, эта концепция была формально ликвидирована. Но фактически она продолжала оказывать свое влияние, и отчасти этим обстоятельством объясняется возобновление в 1933 г. дискуссии о способе производства на Древнем Востоке, правда, уже на иной платформе.

Чтобы ясно представить себе дальнейший ход марксистской исторической мысли после дискуссии 1930—1931 гг., необходимо хотя бы вкратце остановиться на содержании основных установок «азиатчиков», на тех ошибках, которые делали они в своих установках относительно характера способа производства на Востоке. Тут прежде всего надо отметить, что с принципиальной стороны «азиатчики» пробовали опереться главным образом на вышеприведенное положение Маркса из предисловия «К критике политической экономии». Слабость этого исходного пункта заключалась в том, что «азиатчики» исходили не из оригинального текста Маркса, а из перевода, и перевода при этом неточного. Но самое главное затруднение «азиатчиков» заключалось в том, что ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина они не могли найти таких определенных высказываний, в которых устанавливались бы принципиальные отличия «азиатского» способа производства от других докапиталистических способов производства. Поэтому «азиатчикам» пришлось строить определение азиатского способа производства самим, и тут они не во всем сошлись друг с другом. Но все их построения страдали одним и тем же принципиальным пороком: стремясь показать, что древневосточное классовое общество сложилось на иных производственных отношениях, чем ан-

тичное и феодальное, они делали неизменно грубую ошибку против подлинного марксистско-ленинского учения об образовании классов и классового общества.

«Азиатчики» доказывали, что характерными признаками восточного общества являются следующие моменты: отсутствие частной собственности на землю, необходимость искусственного орошения, деревенская община, господствующий класс жрецов и бюрократов, основывающий свое господство на своей функции организаторов орошения, высасывание им прибавочного продукта в виде налога, совпадающего с рентой, наконец — государственная организация в форме деспотии. По сравнению с феодализмом, — доказывали «азиатчики», — азиатская общественно-экономическая формация отличается отсутствием феодальной собственности и класса феодалов. Как совершенно правильно указывали противники «азиатчиков», с точки зрения марксистско-ленинского учения о классовом образовании совершенной бессмыслицей является концепция «класса организаторов орошения», основывающих свою эксплуатацию на своих организаторских функциях. Классы возникают на отношениях к средствам производства, в данном случае к земле; «азиатчики» вместо общественного момента выдвигают момент чисто-технический и затем политический, — в их концепции классовое господство идет от политического, а не наоборот. Таким образом, в этом основном пункте «азиатчики» поставили марксистско-ленинскую теорию вверх ногами, скатившись по направлению к примиренческим, богдановским позициям.

Другая принципиальная ошибка «азиатчиков» — это рассматривание ренты-налога в азиатских деспотиях в качестве специальной восточной азиатской формы ренты, якобы принципиально отличной от феодальной. Маркс при анализе сущности феодальной ренты совершенно ясно говорит, что совпадение ренты и налога в восточных деспотиях является лишь превращенной формулой феодальной земельной ренты (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 267, изд. 1928 г.), обусловленной тем специфическим обстоятельством, что в качестве верховного земельного собственника выступает государство, являющееся, конечно, не чем иным, как организацией класса земельных собственников. Сюда следует добавить, что и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин не раз прямо определяли характер производственных отношений на Востоке в качестве феодального, крепостнического. Так, Маркс

характеризует государственное производство в Китае, Индии, а также в ранние эпохи русской истории как производство, основанное на крепостной зависимости (Маркс, Капитал, т. II, стр. 64). Ленин, характеризуя сущность большей части помещичьих русских хозяйств перед империалистической войной, применявших кабальные формы эксплуатации крестьянского труда, говорит: «Это не капитализм... Это — по-старокитайски. Это по-турецки. Это — по-крепостнически» (Ленин, Соб. соч., т. XVI, стр. 459, изд. 3-е). Строй жизни восточных народов Ленин называл крепостным (Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 101). Энгельс турецкий строй называл полуфеодальным (Письма Маркса — Энгельса, под редакцией Адоратского, стр. 346, изд. 4-е). Сталин говорит, что «пережитки феодализма в китайской деревне и вся милитаристско-бюрократическая надстройка над этими пережитками являются той базой, на основе которой возникла и развивается нынешняя аграрная революция»¹. Это высказывание т. Сталина особенно важно потому, что оно сигнализировало не только о теоретической неправомерности «азиатской» концепции, но также и о ее политической вредности. Дело в том, что «азиатчики», отрицая существование в современном Китае остатков феодализма и заявляя, что «в Китае не существует обособленного от буржуазии и ей противостоящего класса — сословия феодальных земледельцев» (т. Варга), по существу переходили на позиции троцкизма. Матерой оппортунист Троцкий, борясь против тактических установок Коминтерна на первом этапе китайской революции, утверждал, что в Китае крепостнические отношения «химически слились с буржуазной эксплуатацией», и на этом строил свою теорию и тактику «перманентной» революции. Таким образом, борьба против «азиатчиков» приобрела также животрепещущий политический характер, связанный с актуальными проблемами революции в колониальных и полуколониальных странах.

Приведенные выше установочные высказывания классиков марксизма самым блестящим образом подтверждаются также и фактической стороной дела. Выступавшие против «азиатчиков» востоковеды с фактами в руках показали, что во всех восточных странах существовала и частная земельная собственность в различных формах, и различные фор-

мы крепостных и полукрепостных отношений². С другой стороны, в особенности пикантным оказалось выступление одного из защитников азиатского способа производства, проф. Струве, который строил свою защиту, во-первых, на том, что в Египте сначала образовался класс землевладельцев, который затем стал классом-организатором, а во-вторых, на том, что крестьяне в Египте были крепостными, но «поскольку в Египте государство вело крупное хозяйство, постольку положение непосредственного производителя в Египте должно было быть несколько иным, чем положение феодального крестьянина»³. Другими словами, как отметили уже на дискуссии докладчик т. Годес и оппонент «азиатчиков» египтолог т. Лурье, весь фактический материал, приведенный проф. Струве, говорил о существовании в Египте не азиатской, а феодальной системы.

Исходя из высказываний классиков марксизма о характере общественного строя в восточных странах и из фактического материала, оппоненты «азиатчиков» выдвинули в противовес положению, что азиатский способ производства надо понимать как восточный вариант феодального способа производства. Эта установка и сделалась с 1931 г. руководящей для историков-марксистов.

Однако некоторые «азиатчики», отказавшись от защиты своей первоначальной позиции, вновь ополчились в 1933 г. против феодальной концепции восточного общественного строя и выступили с новой постановкой проблемы. Именно: было выдвинуто положение, что общество стран Древнего Востока надо относить не к феодальной, а к рабовладельческой общественно-экономической формации. Главным представителем этой новой, «рабовладельческой» концепции строя восточных обществ явился проф. Струве, который на первых порах после дискуссии принял было феодальную концепцию и дал на этой основе хорошую статью о Египте в БСЭ, т. XXIV. Но уже через год после появления этой статьи, в 1933 г., проф. Струве выступил с докладом в ГАИМК и МОГАИМК, выдвигая совершенно новую установку: феодальная концепция общественного строя на Древнем Востоке есть неправильная и вредная бур-

¹ Цитирую по Годесу, см. «Дискуссия об азиатском способе производства», изд. 1931 г., стр. 181.

² Относительно Китая см. особенно выступление т. Осипова — Чжоу У-шино, там же, стр. 103 — 104.

³ Там же, стр. 95 и 97.

жуазная теория Эд. Мейера, а правильная марксистская концепция заключается в том, что на Древнем Востоке существовало рабовладельческое общество, аналогичное античному, с латифундарным хозяйством и массами рабов, которые в подавляющей части были из военнопленных. Вокруг положений проф. Струве сейчас же загорелись горячие споры, и образовалось вновь два лагеря: восточников-«рабовладельцев», сторонников новой концепции, и восточников-«феодалов», продолжавших защищать прежнюю позицию. Эта новая дискуссия еще не закончена; но в ее ходе проф. Струве был вынужден значительно видоизменить первоначальную формулировку своего положения и тем самым изменить и самую постановку вопроса.

Точка зрения проф. Струве: «И в Суматре, т. е. на Востоке, существовала рабовладельческая формация, как она существовала и на Западе — в Греции и в Италии», — не находит себе оснований ни в высказываниях классиков марксизма, ни в конкретном фактическом материале. Проф. Струве исходит, во-первых, из известной установки Ленина, согласно которой «первым классовым обществом было общество, основанное на рабстве, за этим последовало другое общество, основанное на крепостничестве, и, наконец, третья, последняя форма классового общества — это капиталистическое общество» (Ленин, О государстве, Собр., соч., т. XXIV, изд. 3-е, стр. 366—367). Во-вторых, проф. Струве ссылается на замечание Энгельса, что «в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство» (предисловие к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии», 1928 г., стр. 48). Отсюда у проф. Струве возникла новая, весьма стройная концепция смены общественно-экономических формаций: за архаической, или первобытно-коммунистической, формацией следует рабовладельческая в античной форме, но распространяющаяся и на Восток, затем феодальная, и, наконец, капиталистическая. Проф. Струве, очевидно, при этом разумел, что все народы должны были пройти через рабовладельческую формацию в ее античной форме, и приписывал себе честь открытия античной формации на Древнем Востоке. Однако мы нигде — ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина — не найдем никаких указаний на то, что они допускали объединение в одну рабовладельческую формацию античного образца всех стран древнего мира.

Маркс, говоря об азиатском способе производства, несомненно отличал его от античного; в этом же смысле интересно и другое замечание Маркса из той же работы («К критике политической экономии»), что «буржуазная экономия лишь тогда достигла понимания феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества» (стр. 98, изд. 1932 г.). А Энгельс в своих более поздних и более подробных высказываниях отличает восточное рабство от античного по существу, говоря: «Иное дело (в сравнении с античным. — Н. Н.) домашнее рабство на Востоке — здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом» (Энгельс, Диалектика природы, изд. 6-е, стр. 49). В другом месте Энгельс подчеркивает, что германцы «не довели у себя рабства до его высшего развития, не превратив его ни в античное трудовое рабство, ни в домашнее восточное рабство» (Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 137, изд. 1934 г.). Наконец, Ленин также подчеркивает, что «основной факт — это переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму» (Ленин, Собр. соч., т. XXIV, стр. 367; и далее Ленин, указывая, что кроме первобытных форм существовали в истории и другие формы рабства, выделяет на особое место рабство в Греции и Риме. Отсюда видно, что проф. Струве не учел всех важнейших высказываний классиков марксизма, относящихся к Востоку и восточному рабству, но, выхватив два наиболее подошедших к его новым устремлениям высказывания, построил чисто механическую, в корне неправильную концепцию.

Эта концепция не выдерживает также и проверки на фактах. Как и следовало ожидать, факты говорят, что в определении характера восточного рабства правым оказывается, конечно, Энгельс, а не проф. Струве. Тут прежде всего надо отметить, что в своих вышеупомянутых докладах проф. Струве оперировал главным образом общими положениями, обещая, что документация появится в его печатающихся специальных работах, где он опубликует новые документы из эпохи III династии Ура (из Месопотамии), якобы доказывающие, что в III тысячелетии до н. э. в Месопотамии существовали рабовладельческие латифундии. Новые докумен-

ты были необходимы потому, что известный до сих пор материал никакой поддержки проф. Струве дать не может. Если собрать все упоминания о рабстве в опубликованных за последние годы документах, то из них выяснится такая картина. В египетских документах до эпохи так называемого Нового царства мы почти не встречаем упоминаний о рабах — верный знак того, что в эпоху Древнего и Среднего царства рабы были немногочисленны и никакой важной роли в производстве не играли. В эпоху Нового царства, со времени начала завоевательных походов в Сирию и в страны по Верхнему Нилу, число рабов сразу значительно увеличивается, особенно в царском и храмовом хозяйствах; но и тут, во-первых, число рабов не идет ни в какое сравнение с числом рабочих людей других категорий (например из общего числа 86 478 человек бога Амона при Рамсесе III — пленных негров и сирийцев 2 607 человек), а, во-вторых, как только египетские фараоны потеряли Сирию, и завоевательные походы прекратились, прекращается и приток рабов, исчезают и упоминания о рабах в документах. Такая же картина рисуется и по ассирийским документам: до эпохи ассирийских завоеваний рабов немного: это или домашние рабы, или храмовые рабыни, или приказчики и агенты крупных купцов. Эпоха ассирийских завоеваний создает большой приток рабов, опять главным образом в царском и храмовом хозяйствах; но после крушения ассирийской державы рабство и количественно и качественно возвращается к прежнему положению. Таким образом, если основываться на общезвестных документах, то восточное рабство, конечно, в сравнении с первобытными формами рабства является более развитой формой, но сохраняет все же в основном характер домашнего рабства. Но если рабский труд в обществах Древнего Востока не занимал доминирующего, руководящего места в производстве, то восточные общества, очевидно, должны были основываться на крепостничестве. Проф. Струве не соглашается с этим; отводя рабскому труду руководящее место, он, естественно, не признает существования на Востоке феодальных способов эксплуатации и утверждает, что крепостных отношений на Востоке не было до первых веков нашей эры. Точнее говоря, проф. Струве полагает, что в течение более 4 тыс. лет рабству противостояло «свободное» кре-

стьянство территориальных общин, платившее «налог», но, правда, обязанное нести работу на «представителей» общин, под которыми он главным образом понимает жречество, царей и их административный аппарат. Нетрудно видеть, что здесь выступает перед нами в «рабовладельческой маске» прежняя, обанкротившаяся концепция «азиатчиков». И столь же ясно, что и в этой новой форме она целиком опровергается фактами. Документы, египетские и месопотамские, говорят о всех тех способах выжимания докапиталистической ренты, какие характерны для феодального способа производства. Лучшие формы эксплуатации крестьянского труда выступают в многочисленных и подробных месопотамских документах. В IV и III тысячелетиях первое место занимает барщина, которая, согласно Марксу, есть первая форма докапиталистической ренты: «С течением времени военные и церковные сановники узурпировали вместе с общинной собственностью повинности, приуроченные к этой последней. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на расхитителей общинной земли» (Маркс, Капитал, т. I, изд. 4-е, стр. 167). Но рядом с барщиной упоминаются и оброчные отношения, которые, однако, начинают занимать более или менее важное место лишь с начала II тысячелетия, особенно на землях светских владельцев. Последнее, как видно из многочисленных документов эпохи Хаммурапи, раздают свои земли мелкими участками и свои сады мелким производителям за $\frac{1}{3}$ урожая с пашни и $\frac{2}{3}$ урожая с сада; в документах эта плата прямо называется оброком. Наконец, как и в других феодальных странах, существовала, и притом в чрезвычайно широких размерах, царская барщина. Что касается Египта, то там уже в эпоху Древнего царства огромную роль играли оброчные повинности. Частновладельческий крестьянин должен был делить свой доход не менее как на три части: подать — царю, оброк — господину, остаток — себе. Государственные (царские) крестьяне делили свой доход на две части, но от этого их положение не было легче. В широких размерах применялась и барщина, особенно строительная, как на царя так и на местного господина. Сам проф. Струве признает, что в Египте (крестьяне были крепостными), и что их хозяйствование настолько было связано с требованиями и правилами

царской и господской эксплуатации, что их положение напоминало положение рабов¹.

Казалось бы, что при таком фактическом положении дела невозможно документировать концепцию рабовладельческого строя на Древнем Востоке. Однако проф. Струве попытался это сделать по отношению к Южному Двуречью (шумеру) эпохи III династии Ура (приблизительно, около 2290 — 2180 гг. до н. э.). В своей статье «Рабовладельческая латифундия на Суматре», появившейся в недавно вышедшем сборнике Академии наук СССР в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, проф. Струве дает частичный перевод и толкование одного из многочисленных счетных документов царского хозяйства, изданного в оригинале французским ассириологом Женуальяком. Это и есть один из тех новых документов, о которых проф. Струве упоминал в своих докладах. Других он не приводит, так как они, по его словам, совершенно того же содержания, что и разработанный им в его статье; всего подобных документов он насчитывает семь. Эти семь однородных документов должны, по мнению проф. Струве, перевесить на чашке весов тысячи других хозяйственных документов, вошедших уже в научный оборот и свидетельствующих, как указано выше, о существовании крепостных и полукрепостных отношений в Месопотамии III и II тысячелетий.

Конечно, несколько смело доказывать существование рабовладельческого способа производства на всем Древнем Востоке на основании только семи одновременных шумерийских документов. Но верно, что документы надо не только считать, но и взвешивать; иной раз действительно семь документов могут иметь решающее значение сравнительно с тысячей. Однако этого нельзя сказать про те семь документов, которые проф. Струве выдвигает в качестве доказательства своей концепции. Прежде всего, документы эти ничего не говорят о площади тех царских имений, о хозяйстве которых идет в них речь; таким образом, прямого указания на латифундарный характер царского хозяйства они не дают. Но косвенным образом они могут дать представление о размере царских имений, так как они учитывают рабочую силу, которая за известный отчетный промежуток времени эксплуатировалась в дан-

ном имении. Проф. Струве идет именно по этой линии. Но тут с самого начала оказывается, что в «типичном» документе, частично приведенном проф. Струве, ни рабы, ни рабыни не названы, хотя в шумерийском языке есть совершенно определенные термины для их обозначения, которые не раз встречаются в других документах. В документе названы три основные категории рабочих людей: апин, т. е. «пахари, и просто» рабочие — каль. Проф. Струве доказывает, что в приводимом им документе, а следовательно, и во всех других аналогичных документах, под названиями «пахари» и «каль» надо разуметь рабов, так как, по мнению проф. Струве, из этого, а следовательно, и других документов вытекает, что эти категории рабочих были заняты на царской работе круглый год, значит, не могли иметь своего хозяйства и были оторваны от средств производства; в таком положении могли быть только рабы. Приведенный проф. Струве документ насчитывает, по его мнению, не менее 600 таких людей; значит, в соответствующем царском имении работало 600 рабов, число, достаточное для латифундии.

Можно ли принять это толкование проф. Струве? Ближайший анализ указанного документа приводит к заключению, что толкование проф. Струве очень натянутое, не оправдывается точным смыслом выражений документа и внушено проф. Струве его настойчивым желанием найти в этом и других документах свидетельства в пользу его концепции. «Пахарей» в документе показано 24, «на 13 месяцев», т. е. на год (имевший в этом случае тринадцатый, вставной месяц), и работа их исчислена в 9036 дней², или человекоднев, как принято в современной терминологии. Отсюда совершенно ясно, что эти 24 пахаря работали на царском хозяйстве действительно весь год. Но даже если

² Цифру 9036 проф. Струве рассматривает таким образом: $24 \times 13 \times 30 = 9036$, считая в каждом месяце 30 дней. Но если перемножить указанные три цифры, то получится 9360. Что здесь — опечатка? Или проф. Струве просто «подвел» под 9036 три указанных множителя, не проверив фактическим умножением? Если опечатки нет, то множители будут другие: $24 \times 376,5$, т. е. во всех месяцах отчетного года было 30 дней. Это и соответствует действительности, так как фактически месяцы вавилонского года имели продолжительность: один 29, другие — 30 дней, и 12-месячный год фактически насчитывал 354 дня, а не 360; отсюда вставной документ должен был иметь не 30, а 22,5 дня (Messner, Babylonien und Assyrien, т. II, стр. 395—397).

¹ «Дискуссия об азиатском способе производства», стр. 97—98.

их считать рабами, то все же 24 раба — это для латифундии совершенно недостаточно. Если, как думает проф. Струве, «каль» являются также рабами, то и в этом случае из разбираемого документа никак не получится 600 рабов по расчету проф. Струве. Он полагает, что «каль» этого документа работали круглый год, подобно «пахарям» и подобно рабыням в некоторых других документах, и толкует общий итог рабочей силы, как «11 366 $\frac{5}{6}$ работников на 1 день», в таком же смысле годовых человекодней, как и сумма 9036 дней работы «пахарей». Но тогда, если разделить 11 366 $\frac{5}{6}$ на 390 дней (по расчету проф. Струве), мы получим вовсе не 600 реальных работников, а только (кругло) 30 человек. Ошибка проф. Струве заключается здесь в том, что он дал неправильное толкование той части документа, где причисляются «каль». Документ причисляет свыше 20 партий «каль», разной численности, от 11 до 384 (свыше 100 только четыре партии), полученных от разных лиц, каждая партия на 1 день. Отсюда ясно, что общее число «каль» будет обозначать также и число человекодней на работе, так как каждый «каль» проработал только один день; но если бы та же работа была проделана в течение года одной партией постоянных рабочих, то численность такой партии должна была быть всего в 6 человек. Проф. Струве, не обращая внимания на точный смысл выражений этого и других документов, полагает, что там, где встречается выражение «х работников на 1 день», мы всегда имеем дело с человекоднями годичных рабочих. Между тем в других документах, давно уже известных, встречаются партии «каль» на самое разнообразное число дней — от 1 дня до 30 дней. Поэтому формула «х человек на 1 день» (в итоге разбираемого документа действительно есть обобщенная формула человекодней, но в отдельных слагаемых эта формула имеет дифференцированный смысл: точно определяет партии однодневных рабочих. Допустив ошибочное толкование формулы «х человек на 1 день», проф. Струве невольно вступил в конфликт с простой арифметикой: вместо 600 рабов, по его расчету, документ говорит только о 25 годичных рабочих и о 20—25 партиях однодневных рабочих, в которых было около 2000 человек, так что общая численность реальных работников, работавших в данном царском хозяйстве в течение отчетного года, надо считать, исходя

из итога, около 2800 человек. Это показывает, что хозяйство было крупное, но вовсе не рабское, так как самая многочисленная категория рабочих, 20—25 партий «каль», состояла из однодневных рабочих, т. е. рабочих сезонных периодов или рабочих, выполнявших какие-то срочные неземледельческие работы. При этом каждая партия «каль» была получена от определенного лица, — значит, мы имеем здесь дело с царской барщиной, о которой не раз упоминается в распоряжениях Хаммурапи и его предшественников. Кто же были эти «каль» по своему социальному положению? Если взять другие документы, говорящие о «каль», то мы встретим там также и их спецификацию. Чаще всего употребляется термин «каль-эрин», т. е. барщинные люди; затем не раз встречаются термины «каль-саг-дуб», т. е. рабочие, нанятые по тарифу, «куль-уд», поденные рабочие (с обозначением числа дней) и просто «каль»; в редких случаях встречается термин «каль-арад», т. е. рабочие-рабы. Если посмотреть употребление этих терминов по документам, то окажется, что обозначения «каль» встречаются, между прочим, именно в документах, говорящих о царской барщине. Это вполне понятно, так как лица, обязанные присылать своих людей на царскую барщину, могли присылать по своему усмотрению и рабов, и крепостных, и даже свободных общинников; но для царя вся эта масса была просто «каль», людьми, присланными для временной работы.

Сюда надо добавить, что до сих пор ни проф. Струве и ни другой ученый не могли указать ни одного шумерийского или вавилонского документа, в котором говорилось бы о рабах (арад), работающих в течение круглого года. Есть несколько отдельных документов, говорящих о работе рабынь (гим) в течение года; однако партии рабынь тут всегда небольшие, два-три десятка. Но, конечно, рабыни в основном земледельческом производстве, кроме вязки снопов, никакого участия не принимали; основная их эксплуатация производилась во дворцах и храмах. Что касается до «пахарей» (апин), которых проф. Струве считает также рабами, то опять-таки другие документы не подтверждают этого толкования. В документе упоминаются «пахари», имеющие наделы, платящие оброк, даже, повидимому, свободные земледельцы. 24 «пахаря» вышеупомянутого документа также не могут считаться рабами только потому, что они

круглый год работали на царя и отсюда, по мнению проф. Струве, не могли иметь своего хозяйства. Ведь чисто земледельческие работы они производили, конечно, не круглый год, а лишь в определенные сезонные сроки; в остальное время года они производили в царском хозяйстве какие-то другие работы. Точь в точь такое же положение мы встречаем в старорусских уставных грамотах для монастырских крестьян феодальной эпохи: в силу этих грамот, крестьяне были заняты на самых разнообразных работах для монастыря круглый год. Но это, конечно, не означало, что они не имели своего хозяйства. В раннюю эпоху западноевропейского феодализма мы встречаем категорию так называемых сервов — крепостных, имевших небольшие наделы, но обязанных круглый год работать на господина; местами их положение было таково, что они не получали наделов, но жили на довольствие от господина. Тут перед нами выступают две формы раннефеодального крепостничества, характерным признаком которых является барщинная эксплуатация, что, как мы указывали выше, подчеркнуто Марксом (Маркс, Капитал, т. I, стр. 167); шумерийские «апин» и «каль» аналогичны, повидимому, европейским сервам раннефеодальной эпохи.

Сказанного уже достаточно, чтобы показать, что попытка присоединить и древневосточное общество к античной рабовладельческой формации не выдерживает критики ни с теоретической, ни с фактической стороны. Это почувствовал и сам проф. Струве, который при обсуждении моего доклада о способе производства на Древнем Востоке в МОГАИМК (в середине декабря 1933 г.) уже не защищал «античной» концепции восточного рабства, но стал утверждать, что на Древнем Востоке вплоть до образования там феодального способа производства существовали «примитивные» формы рабства, и что «каль-рабы» — это долговые рабы, а не военнопленные. Однако это заявление не прекратило дискуссии, но лишь перевело ее на новые рельсы. Теоретически новая позиция проф. Струве и его сторонников с первого взгляда правильна, ибо первобытные формы рабства чаще всего («основной факт» по Ленину) переходят в крепостничество. Но дело в том, что новая постановка вопроса не установила одного чрезвычайно важного фактического разногласия, которое имеет скрытое принципиальное значение. Проф. Струве попрежнему, не ссылаясь на документальные дан-

ные, полагает, что крепостничество в Двуречье вообще не существовало до эпохи Халдейского (Нововавилонского) царства (VI в. до н. э.), и что установление феодального способа производства на Востоке надо датировать VIII—IX вв. нашей эры. Другими словами, общественно-экономический строй Востока в хронологических границах Древнего мира есть, с точки зрения «струвистов», строй первоначального классового общества, общества рабовладельцев и рабов в рамках разлагающейся сельской общины. Эта новая постановка вопроса подразумевает, что непосредственными производителями на Древнем Востоке были или рабы, или свободные общинники, или отбившиеся от общины наемники. А теоретически новая позиция обозначает, что опять возрождается концепция «азиатской» общественно-экономической формации в новом, уже третьем виде — азиатское общество выдвигается как первая форма классового общества с основной противоположностью рабовладельцев и рабов. Однако слабость и этой концепции заключается в том, что она вступает в противоречие с фактами. Как мы видели, полукрепостные и крепостные формы эксплуатации в виде разных видов барщины и оброка документально подтверждаются уже для III тысячелетия и в Двуречье и в Египте; древневосточная землевладельческая верхушка также уже в III тысячелетии выступает в документах со всеми социально-политическими атрибутами ее — правами и обязанностями, присущими именно феодальной аристократии. Государственная организация уже в III тысячелетии носит форму ранней феодальной монархии с чертами восточного деспотизма, причем монархия особенно усиливается в конце III тысячелетия в Двуречье в связи с ростом торгового обмена и первыми шагами ростовщическо-торгового капитала.

Между тем новой концепции должна была бы соответствовать совсем иная картина — по образцу германского строя эпохи Тацита или, самое большое, франкского государства ранней меровингской эпохи. «Примитивные» формы рабства, безусловно, на Востоке еще не исчезли и в VI в. до н. э.; но надо сказать еще больше — на Востоке они просуществовали вплоть до XIX в. Однако отсюда не следует, что установление феодализма на Востоке надо относить к XIX в. нашей эры; всякий знает, что это — эпоха установления уже капиталистических отношений.

В результате прежнюю установку, выкристаллизовавшуюся во время дискуссии об «азиатском» способе производства, надо считать в основном не поколебленной. На Древнем Востоке уже в III тысячелетии мы находим своеобразный восточный феодализм. Его своеобразие заключается в том, что феодальные элементы, которые являются ведущими, не устраняют окончательно ни примитивных форм рабства, ни примитивных форм общинного строя — вплоть до самого начала проникновения на Восток капитализма. Непрерывно существует домашнее рабство, а постоянно происходящие вторжения в Египет, Двуречье, Иран, Индию и Китай народов, выходящих из общинно-родового быта, периодически насаждают вновь сельскую общину в разных формах ее разложения. Так идет дело с IV — III тысячелетия до н. э. вплоть до турецкого завоевания на Ближнем Востоке и манчжурского завоевания в Китае. И тут обнаруживается еще одна ошибочная тенденция «струвистов», являющаяся пережитком «всемирно-исторической» идеалистической схемы Гегеля и Ранке. Датируя установление феодальных отношений на Востоке в VIII в. н. э., проф. Струве, очевидно, стремится установить синхронность смены формаций на Востоке и в Европе, связывая таким образом восточную историю социологически и хронологически с европейской историей не только в заключительной капиталистической стадии классового общества, но и в предшествующей стадии, феодальной. С первого взгляда как будто эта тенденция оправдывается установкой Маркса, что «в общих чертах азиатский, античный и современный буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической формации общества». Если понимать выражение «про-

грессивные эпохи» не только в качественном, но и в хронологическом смысле, а под «обществом» понимать человеческое общество в целом, человечество, то может, конечно, прийти в голову мысль, что феодализм повсюду должен был появиться раньше падения античного способа производства. Однако мысль Маркса совершенно общая: «в общих чертах» способы производства указанного ряда прогрессивны по отношению друг к другу, — это общий закон развития общества. Но этим не уничтожается другой закон общественного развития, диалектический, приводящий в реальной исторической действительности к самым разнообразным разновидностям и вариантам и по существу и по хронологии. Реально существуют, развиваются, продлевают свою историю реальные конкретные человеческие общества. Единство человеческого общественного развития заключается не в том, что все человеческие общества точно по плану в одно и то же время проходят обязательно и в строгой последовательности через определенные этапы общественного развития, — это чисто механическая концепция. Единство человеческого общественного развития заключается в том, что человечество в целом, начав с доклассового первобытно-коммунистического общества, проходит отдельными, хотя и связанными друг с другом отрядами через этапы классового общества, причем отдельные отряды могут на определенных этапах задерживаться и задерживаются более других или, наоборот, могут перепрыгивать и перепрыгивают через отдельные этапы классового пути, — проходит с тем, чтобы, в конце концов, человечеству в целом притти через мировую пролетарскую революцию к бесклассовому коммунистическому обществу.